
ТЕОРИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 303.4

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ И ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ГЕНДЕРНОЙ ГЕОГРАФИИ

© 2020 г. А.В. Потураева^{1,2}

¹ АНО «Институт регионального консалтинга», Москва, Россия

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
географический факультет, Москва, Россия
e-mail: av-poturaeva@yandex.ru

В развитии гендерной географии с момента её зарождения в 1970-х гг. в англо-американской школе географии человека выделяется четыре периода, смена которых связана с развитием методологии феминистских и гендерных исследований. Современная гендерная география вышла за рамки англо-американской школы, так как стала международной субдисциплиной, и за рамки анализа гендерных различий, так как в русле интерсекциональности стало уделяться внимание пересечению гендерных различий с другими (расовыми, этническими, классовыми и т.д.). В России ещё не сформировалась собственной школы гендерной географии, но этому направлению уделяется всё больше внимания как российскими географами, так и антропологами, социологами и экономистами. Классическая гендерная география основывается на гендерной и феминистской теориях и географии человека. Гендер, как и место, является социальной конструкцией. На разных масштабных уровнях пространства существуют различные механизмы конструирования гендерных различий. Масштабные уровни и объекты исследования классической гендерной географии можно разделить на традиционные и специфические (новые) для российской социально-экономической географии. К традиционным относятся локальный, региональный и национальный масштабные уровни, а к объектам – мобильность и миграции. Специфическими (новыми) масштабными уровнями являются микроуровни домашнего, рабочего и публичного городского пространства, а объектом – человеческая внешность. Статья иллюстрирует, что гендерная география занимает важное место в зарубежной социально-экономической географии, а гендерные процессы – в региональном развитии, что, в свою очередь, подчёркивает необходимость развития гендерной географии в России.

Ключевые слова: гендерная география, феминистская география, география человека, методология.

DOI: 10.5922/1994-5280-2020-2-3

Введение и постановка проблемы. Территориальные проявления социальных различий – один из традиционных предметов исследований социально-экономической географии, а гендер – один из критериев выделения социальных групп, поэтому закономерно, что гендерные особенности населения входят в поле исследования социально-экономической географии. За рубежом гендерная география развивается с 1970-х гг., в то время как в России этому направлению до сих пор уделяется мало внимания.

В зарубежной литературе встречается два варианта наименования данной субдисциплины: «гендерная география» и «феминистская география». Это синонимы, так как одно название происходит от теоретико-методического подхода (феминистская), а другое – от объекта исследования (гендерная). В 2000-х гг. развитие концепции интерсекциональности в феминистской географии привело к тому, что исследователи перестали ограничиваться гендерными различиями как объектом исследования, и даже стали исклю-

чать их из анализа, фокусируясь на других осях различий (расовых, классовых, религиозных). В 2000-х годах гендерная география стала частью феминистской.

Обзор исследований по гендерной географии за рубежом.

Зарождение гендерной географии произошло в начале 1970-х гг. одновременно в Великобритании и Северной Америке, что было связано с развитием феминистского движения внутри научного сообщества [38]. В это время окончательно сформировалась теория социального конструирования гендера [7] и начали развиваться гендерные исследования в различных социальных науках, в том числе и в географии.

В начале у феминистских географов было две цели: изменить отношение к женщинам-географам, в том числе добиться равных с мужчинами карьерных возможностей, и повысить внимание к женщинам и их опыту неравенства как к объектам географических исследований. Всё началось с появления в научной среде и литературе критических замечаний по поводу низкой доли женщин среди географов, что считалось серьёзным основанием для сомнений в объективности географического знания, так как оно главным образом получено через призму мужского восприятия [43]. Согласно В. Зелински так проявилось «запоздалое» влияние на географию либеральных движений 1960-х гг. [49].

В развитии феминистской географии выделяют четыре периода (см. рис. 1), смена которых связана с изменением фокуса исследований и развитием теоретико-методической основы [35], а именно феминистской теории, гендерных исследований [5] и методологии социальных наук в целом.

1. География женщин (начало 1970-х гг.) развивалась в рамках парадигмы географии человека англо-американской школы. Она унаследовала от географии человека теоретические подходы, а именно гуманистический подход, марксистский и веберовский анализ и подход географии благополучия. Эти подходы были переосмыслены в гендерном аспекте [24]. Исследования носили описательный характер и были посвящены документированию систематического ущемления интересов и прав женщин в различных сферах жизни,

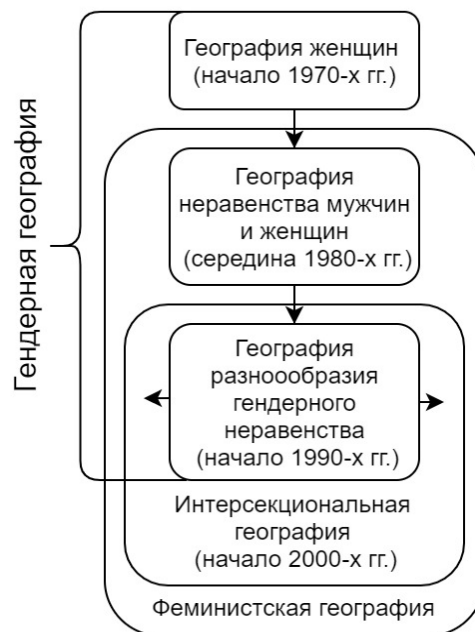

Рис. 1. Этапы развития гендерной и феминистской географии.

Составлено автором.

Работы с применением подходов географии благополучия и нео-веберовского анализа были сфокусированы на пространственных, материальных и идеологических ограничениях, с которыми сталкиваются женщины в связи с выполнением социальной роли матерей и жен. Основоположники направления – Ж. Тиверс, Л. Пикап, Л. Палм, А. Пред и С. и П. Хансон [24].

В рамках исследований с гуманистическим подходом анализировался женский опыт восприятия физического и социального ландшафта, предполагалось, что женские методы восприятия качественно отличаются от мужских, а точнее более чувствительны. Ключевые представители направления – К. Бьюкенен, Л. Бёртон, А. Баттимер, А. Ларимор, К. и М. Либби [24].

Работы с марксистским подходом посвящались социально-экономическому положению женщин в капиталистическом обществе, пространствам оплачиваемого и неоплачиваемого труда, социальному и экономическому вкладу труда женщин, а также гендерному разделению труда и его проявлениям в городской среде. Считается, что впервые было предложено использовать марксистскую теорию для анализа положения женщин в 1973 г.

П. Барнетт [25]. В дальнейшем эту тему развили А. Хейфорд, С. Маккензи, Л. Сеймур, Л. Макдауэлл, Дж. Роуз, С. Боулби, Дж. Бойс и др. [24].

Важным событием для институционализации гендерной географии стало появление в 1980 г. в Институте британских географов исследовательской группы «Women and Geography Study Group (WGSG)» [33].

2. Феминистская география. Переход от географии женщин к феминистской географии произошёл в связи со сдвигом в теоретической основе. Важным аспектом исследований с марксистским подходом в рамках географии женщин был акцент на гендерные отношения, а не на гендерные роли, и признание мужского доминирования в этих отношениях. Анализ гендерных отношений выводит на социальные структуры, через которые формируются гендерные модели поведения и неравенство, в то время как продолжение анализа гендерных ролей привело бы к ограниченному пониманию того, как происходят изменения в социальных структурах, практиках и смыслах гендерных ролей. Это было необходимо для перехода от описания гендерного неравенства к объяснению [24]. Знаменательным событием, закрепившим становление феминистской географии, стало основание в 1994 г. журнала «Gender, Place and Culture: A Journal of Feminist Geography» [52].

В развитии феминистской географии выделяется три периода.

2.1. География неравенства мужчин и женщин (середина 1980-х гг.). К концу 1980-х гг., когда Великобритания и другие западные страны пережили масштабную экономическую перестройку, вопрос о гендере не мог быть проигнорирован марксистскими и неомарксистскими экономико-географами. Их внимание к гендерной проблематике было вызвано изменением гендерного состава рынка труда с одновременным ростом доли женщин и безработицы среди мужчин [31]. Феминистские географы исследовали взаимосвязь между экономикой и гендерными отношениями, развивали идею взаимосвязи капитализма и патриархата и их роли в поддержании неравенства мужчин и женщин [35]. Ключевыми представителями направления являются Дж. Фоорд, Н. Грегсон, Л. Макдауэлл, С. Уолби, Д. Масси, Дж. Льюис, Р. Хадсон, Э. Сэйер и др. [24].

2.2. География разнообразия гендерного неравенства (начало 1990-х гг.). К началу 1990-х гг. нарастающая критика белого западного феминизма (со стороны чёрного феминизма) начала просачиваться в географию. Женское движение расщепилось на множество различных течений, разные группы женщин стали говорить о своём уникальном опыте дискриминации, который зависел от других признаков помимо гендера, что привело к развитию концепции интерсекциональности в социальных науках и попыткам анализа связей между различными системами угнетения. То же самое стало происходить и в англо-американской феминистской географии – произошёл сдвиг от географии гендерного неравенства к географии разнообразия неравенства [34]. Первая географическая работа по этой теме была написана С. Уолби в 1986 г. [47]. Пионерными исследователями так же были Л. Пик, О. Кобаяши, П. Джэксон, С. Раддик (1990-е гг.) [29]. Их работы наряду с осью гендера рассматривали сексуальность, расу, класс и телесность. Более поздние работы (конец 1990-х и начало 2000-х гг.) стали затрагивать также возраст и религиозные предпочтения (К. Двайер, П. Хопкинс, А. Наяк) [29].

2.3. Интерсекциональная феминистская география (начало 2000х гг.). Исследования разнообразия в рамках постмодернистской парадигмы подняли в феминистской географии эпистемологические и этические вопросы, подвергая критическому анализу сам процесс феминистских исследований, а именно отношения объекта и субъекта исследования и репрезентативность полученных знаний. Это привело к эпистемологическому сдвигу в субдисциплине в начале 2000-х гг. [35]. Феминистские географы вслед за другими родственными дисциплинами стали деконструировать дуализм «инсайдер-аутсайдер», уделять внимание личности исследователя, его социальному статусу, позиции и биографии. Стал подниматься вопрос объективности проведения исследований с позиции инсайдера (когда исследуется та проблема, которая близка самому исследователю), и такие исследования получили большое признание. «Побочным эффектом» развития интерсекционального подхода так же стало то, что феминистская география вышла за рамки гендерной географии, т.е. гендер стал необязательной категорией анализа

Таблица 1. Время начала развития гендерной географии в разных странах*

1970-е гг.	1980-е гг.	1990-е гг.	2000-е гг.	Не развита
США, Великобритания, Канада, Италия	Франция, Германия, Швейцария, Австрия, Греция, Нидерланды, Новая Зеландия, Испания, Швеция, Тайвань	Аргентина, Бразилия, Эквадор, Мексика, Гана, Индия, Япония, Сингапур, Таиланд, Австралия, Израиль, Венгрия, Ирландия, Норвегия, Чехия, Украина, Эстония, Литва, Латвия, Россия	ЮАР, Албания, страны Содружества Карибского бассейна, Гонконг, Чили, Колумбия	Португалия, Польша, Иран, Кения

*В Португалии и Польше проводятся гендерные исследования, но не по географии. В Иране данная тема табуирована, но за пределами страны есть несколько феминистских географов-эмигрантов, которые изучают Иран. В Кении есть только один феминистский географ.

Составлено автором по данным статей сборника № 26 за 2019 г. журнала «Gender, Place and Culture: a Journal of Feminist Geography» [53].

в исследовании по феминистской географии. Как феминизм к настоящему времени разделился на множество ветвей, расширилось понятие гендера и гендерных отношений, так и феминистская география стала гетерогенной: исследования могут быть посвящены маскулинности, представителям ЛГБТКИ, сексуальности и т.д. [22]. К таким исследованиям относятся работы К. Шрёдер, Дж. Валентайн, М. Браун, П. Хопкинс, Г. Нобл, Р. Пэйн, А. Таррант и др. [29].

С 1970-х гг. расширилась не только сфера исследований гендерной географии, но и сама дисциплина стала интернациональной, т.е. вышла за границы англо-американской школы. Юбилейный выпуск по поводу 25-летия журнала «Gender, Place and Culture: a Journal of Feminist Geography» (№ 26 за 2019 г.) [53] был посвящён развитию феминистской географии в различных странах. Анализ статей этого выпуска показал, что в развитии феминистской географии существуют страновые различия. Они связаны с особенностями развития феминистского движения, гендерных исследований и географии человека в этих странах, что, в свою очередь, зависит от политического режима, преобладающей религии и языка (это важно, так как классические работы написаны на английском). Так, например, развитие гендерной географии в странах Восточно-Центральной Европы, Латинской Америки, Азии началось на десятки лет позже стран Западной Европы и Северной Америки (подробнее см. в табл. 1).

Страновые различия проявляются в доминирующих объектах исследований и при-

меняемых подходах. Так, например, ядро англо-американской феминистской географии составляют городские исследования [23], так как первые феминистские географы были специалистами в этой сфере [36]. В Испании большое внимание уделяется положению женщин в сельской местности в связи с развитой в стране школой сельской географии [27; 36]. В Нидерландах феминистская география развивалась в тесной связи с англофонской школой при активной интеграции подходов из других школ, особенно временной географии, а также ориентировалась на планирование в связи с традиционно активным участием государства в повседневной жизни населения [36]. Феминистские географы ЮАР часто затрагивают политику апартеида и пост-апартеида [27].

Конечно, феминистскими географами высказывались опасения по поводу гегемонии англо-американской школы, но в последнее время в связи с развитием концепций деколонизальности и «ситуационного знания» развитие других подходов и направлений стало приветствоваться [27].

Обзор исследований по гендерной географии в России и о России.

В СССР гендерной географии в таком её понимании, как на Западе, не было. Советские географы уделяли внимание различиям мужчин и женщин главным образом в рамках географии населения СССР, основной задачей которой являлось повышение экономической эффективности трудовых ресурсов. Анализ трудовых ресурсов не обходил стороной различия в положении мужчин и жен-

щин в сфере занятости и их миграционном поведении [3; 13; 14; 17].

Россия находится на раннем этапе развития гендерной географии, что связано с особенностью развития феминистского движения и гендерных исследований в стране [5]. Затруднения в проведении гендерных исследований в России также связывают с низким качеством гендерной статистики [18]. В статьях российских географов встречаются упоминания феминисткой географии [2], и как минимум четверо российских географов проводят исследования по данному направлению. Работы Н.В. Зубаревич посвящены региональным различиям в гендерном неравенстве, роли гендерных проблем в региональном развитии [8; 9; 50], М.С. Савоскул – трудовой миграции женщин, занятых в сфере заботы [20] и положению женщин в сельской местности [19]. Иркутские географы М.Н. Зверева и М.В. Рагулина в 2019 г. посвятили работу гендерным аспектам развития рынка труда Иркутской области [4]. Помимо этого, есть несколько работ из смежных дисциплин по гендерной проблематике с географическим уклоном, например, работы антрополога Е.А. Лярской по положению женщин на Ямале [10], экономистов И.О. Мальцевой и С.Ю. Рощина по гендерной сегрегации и трудовой мобильности на российском рынке труда [11], социологов А.А. Тёмкиной и Е.А. Здравомысловой по советским и российским гендерным отношениям [6; 21].

Из зарубежных исследований по гендерной географии России наиболее примечательными являются работы американского географа М. Павловской [40; 41], посвящённые повседневной жизни московских домохозяйств, и британских географов Д. Моран, Дж. Паллот и Л. Пьячентини по положению женщин в российских тюрьмах [37; 39]. Есть ряд зарубежных социологических и антропологических работ, посвящённых женской и мужской идентичности в России [42].

Теоретико-методические основы гендерной географии.

Классическая англо-американская гендерная география основывается на гендерной и феминистской теориях и применяет подходы географии человека к изучению гендерных различий. Как гендер, так и место считается социальной конструкцией.

Для людей различной гендерной идентичности одно и то же место или пространство имеет разные смыслы и включает различные социальные отношения. Пространство мозаично и полимасштабно: разделение пространства на частное и публичное играет ключевую роль в процессе социального конструирования гендерных различий, и на разных масштабных уровнях (scales) существуют различные механизмы социального конструирования гендера [32].

Масштабные уровни и объекты исследования гендерной географии делятся на специфические (новые) для социально-экономической географии и традиционные. Специфическими являются микроуровни – домашнее, рабочее и общественное пространство, а объектом – человеческое тело, а к традиционным уровням относятся локальный, региональный и национальный уровни, а к объектам – пространственная мобильность.

Специфические масштабные уровни и объекты исследования в гендерной географии. Изначально исследования гендерных различий во внешнем облике и поведении людей на микроуровнях были сферой антропологии, но со временем интерес к ним распространился и в другие дисциплины – архитектуру, урбанистику, социологию и гендерную географию [32]. Это не удивительно, так как «географ не держит на Земле своих вещей, которые бы не были разобраны другими науками» [16, с. 21]. В гендерной географии понимание механизмов конструирования гендера на микроуровнях важно для понимания процессов, происходящих на более глобальных уровнях.

Значимость анализа внешних характеристик *человеческого тела* и его поведения в пространстве подчеркнули П. Бурдьё (концепция «экзиса» [15]), М. Фуко (рассматривал тело как поверхность, на которой «начертаны» социальные практики, меняющиеся в зависимости от контекста [1]) и И. Гофман (понятие «гендерный дисплей» [51]). Эти концепции говорят о том, что небιологические различия женского и мужского тела создаются рядом дискурсивных телесных практик, как-то: макияж, одежда, причёска, походка и др. Внешний облик индивида и сексуальность являются социально конструируемыми и изменчивыми во времени и пространстве, как и представления общества о том, что является нормальным в отношении

тела. К практикам конструирования, например, относится контроль женской репродуктивной функции (право на аборт, контрацепцию, защитное трудовое законодательство и др.) и категоризация феминности и маскулинности посредством масс-медиа и общественного мнения [32].

Гендерные географы анализируют внешний облик людей с различным гендером и характер их поведения в различных пространствах, например, поведение представителей ЛГБТ-сообщества в пространствах с гетеросексуальным режимом (к примеру, место отдыха «маскулинных работяг») [30].

Домашнее пространство. Дом является материальным представлением общественного порядка, что по П. Бурдье называется «габитус» [32]. Во всех культурах дом является не просто физическим объектом, а ключевым звеном между материальной и социальной культурами, маркером социального положения и статуса. В гендерной географии дом (частное пространство) противопоставляется публичному пространству. Считается, что ассоциация частного пространства с женщиной, а публичного – с мужчиной закрепилась при капитализме, что кардинально изменило положение женщин в обществе [32]. В 1960-х гг. с волной феминизма точка зрения на домашнее пространство изменилась. Представление дома как центра эмоциональной жизни сменилось представлением места «угнетения» женщин, что подкреплялось существованием домашнего насилия и табуирования его обсуждения. Институт государства всеобщего благосостояния наряду с институтом семьи стали рассматриваться как инструменты патриархальной власти, так как определённые органы имеют право проникать в домашнее пространство, контролировать и регулировать женское поведение (патронажная служба, опека, школьные инспекторы и т.д.). Тем не менее, для многих женщин дом является местом самореализации посредством семейных и романтических отношений, а институт всеобщего благосостояния также поддерживает женщин в политике, расширяет их возможности на рынке труда [32].

Исследования гендеризации домашнего пространства неразрывны с исследованиями домашнего труда. Домашний неоплачиваемый труд стал сферой женской специализации с переходом многих профессий, которые

ранее были частью расширенного домашнего хозяйства и являлись «женскими», на капиталистические организационные формы (менее доступные для женщин). Так в XVIII веке в Великобритании произошла трансформация пивоваренного производства [32]. До 1970-х гг. роль женщины-домохозяйки закрепилась ещё прочнее, несмотря на две мировые войны, когда женщины во многих странах массово выходили на работу в условиях нехватки рабочей силы [32].

Для нянь и домработниц чужой дом является рабочим пространством. Появление оплачиваемого домашнего труда изменило значение дома как исключительно частного и семейного пространства, способствовало усилению классовых и расовых различий между женщинами, так как домработницами и нянями, как правило, являются женщины более низкого социального статуса по отношению к женщине-работодателю [32].

В **рабочем пространстве** реализуются наборы социальных практик, поддерживающие социально санкционированные образы мужественности и женственности, связанные с конкретными видами работ. Например, для «мужских» профессий, связанных с тяжёлым физическим трудом, характерны героизм и товарищество. Маскулинность неявно поддерживается на рабочем месте в ежедневных мелкомасштабных взаимодействиях, например, в рабочих шутках [26]. Важным фактором, влияющим на конструирование маскулинности, является технологический прогресс: реструктуризация экономики, связанная с технологическими инновациями, поставила под вопрос прежде прочную ассоциацию мужественности с физически тяжёлой работой.

Ключевыми темами исследований гендерной географии также являются горизонтальная (по отраслям и роду занятий) и вертикальная (по должностям) гендерная сегрегация на рынке труда на разных уровнях масштаба (от сообщества до государства), которая неразрывна связана с процессами социального конструирования гендера на микроуровне рабочего пространства.

Общественные городские пространства. Расширение доступа женщин к общественным городским пространствам было неотъемлемой частью процессов урбанизации и модернизации в западных странах. Ключевой фигурой метрополиса середины –

конца XIX в. по Ш. Бодлеру являлся фланёр – прогуливающийся наблюдатель за городской жизнью [48]. Фланёр был анонимной фигурой в городской толпе, априори мужской. Женщины в середине XIX в., а точнее уважаемые женщины среднего класса и выше, не допускались к участию во фланировании и вместо этого были «заклочены» в субурбии. В то время само появление женщин без сопровождения «своих» мужчин в публичных местах ставило под сомнение их статус и создавало условие для нежелательного мужского внимания. Начиная с конца XIX в. женщины стали чаще появляться на городских улицах: расширились их возможности трудоустройства в связи с увеличением числа канцелярских профессий, появились торговые центры, где женщины могли прогуливаться подобно фланёру. Таким образом, зарождение культуры потребления и появление соответствующих пространств (витрин, тротуаров возле витрин, торговых центров) стало частью либерализации женщин [32].

Для мужчин города так же стали территорией свободы. Публичное проявление гомосексуального поведения и его ассоциации с городской жизнью связывают с тем, что в городах стали появляться места и пространства, ассоциируемые с не гетеросексуальной идентичностью, т.е. гомосексуальные мужчины стали обретать видимую территориальную идентичность [32].

В рамках гендерной географии изучается, как общественные городские пространства наделяются разным значением для людей с разным гендером, чьи практики наполняют пространство «своими» смыслами [32].

Традиционные масштабные уровни и объекты исследования гендерной географии. На локальном уровне в гендерной географии изучаются небольшие населённые пункты или районы большого города, в которых формируются специфические территориальные (локальные, местные) сообщества и формируется сеть социальных отношений. Социальное конструирование гендерного разделения общества отражается в пространстве сообществ посредством его зонирования (жилые, промышленные, деловые, рекреационные зоны). Доступ к различным пространствам может варьировать в зависимости от гендерного признака. В 1971 г. Д. Харви в книге «Социальная справедли-

вость и город» описал механизмы перераспределения реальных доходов горожан не в пользу малоимущих посредством пространственного расположения городских объектов и ресурсов, таких как работа, жильё, школы, объекты-загрязнители, рекреационные объекты. Люди с высокими доходами могут жить в благополучных районах, в то время как низкообеспеченные горожане живут в грязных районах с изношенным жилищным фондом и невыгодным географическим положением относительно городских ресурсов. Таким образом, неравномерное расположение городских ресурсов усугубляет неравенство в доходах. В феминистской географии эта теория была переосмыслена: гендерная дифференциация в доступе к ресурсам сообщества усиливает гендерное неравенство [32].

Гендерные отношения зависят от среды сообщества. Например, при исследовании гетто Балтимора выяснилось, что процесс взросления девочек и мальчиков дифференцирован: рождение ребёнка (для девушек) и преступная деятельность (для юношей) считается своеобразным обрядом инициации, а не проблемным поведением. Также это связано с гендерно-дифференцированными действиями государственных институтов: в основном социальная помощь ориентирована на женщин с детьми, а исправительные учреждения и криминальная система правосудия – на мужчин [32].

Важной темой также являются гендерные аспекты территориального развития сообществ, например, джентрификации старых районов города. На первой стадии в населении районов преобладают люди не семейного типа (студенты, молодые специалисты, матери-одиночки, представители ЛГБТ-сообщества). Районы привлекательны для них дешёвизной и доступностью услуг в связи с центральным положением: например, в случае одиноких матерей – «детские» услуги, а в случае представителей ЛГБТ-сообщества – заведения, толерантные к их ориентации [32].

Локальные события могут быть маркерами гендерных процессов. Например, рост антисоциальной активности юношей рабочего класса в 1990-х гг. в британских городах были связаны с резкими сдвигами в конструировании маскулинности [32]. С 1970 по 1990 г. в Великобритании произошло резкое сокращение работников в автомобилестро-

ении («мужской» отрасли). Примерно в это же время М. Тэтчер была первой женщиной премьер-министром Великобритании. За одно поколение для мужчин рабочего класса исчезли традиции, которые были фундаментом их маскулинности. Посредством беспорядков юноши пытались реконструировать тот тип мужской идентичности, который их отцы «создавали» и поддерживали на рабочем месте, и который практически перестал существовать в связи с реструктуризацией экономики и глобальным сдвигом в ЭГП автомобилестроения.

Национальный и региональный уровень.

Исследования по гендерной географии государств и регионов делятся на две больших группы [32]. Первая группа исследований сфокусирована на гендерных различиях в формальных гражданских правах, борьбе за равные права, государственной поддержке, религиозных правилах, а также действиях институтов, связанных с семейной политикой. Через институты и правовую систему регулируются и контролируются вопросы сексуальности, деторождения, женского репродуктивного здоровья, обязанностей по воспитанию детей и т.д. Данные процессы существуют и различаются как на национальном, так и на региональном уровне. Различия в правах женщин на аборт, контрацепцию, рождение детей (политика одного ребёнка в Китае) могут быть обусловлены национальной идеологией и/или религиозным давлением.

Вторая группа исследований связана с гендерным анализом изображения, символа и репрезентации нации, процесса конструирования национальной идентичности и символического значения Родины, Отечества, Метрополии через гендерные образы. Нация – это конструкт, созданный с помощью карт, флагов, зданий, памятников, национальных обычаев и политической риторики. Гендерных географов интересует то, как часто и в каком виде женщины и мужчины присутствуют в символике нации или региона.

Мобильность и миграции. Накопленный опыт анализа перемещений людей в цикле повседневной жизни говорит о том, что мобильность лежит в основе поддержания традиционного гендерного порядка [28]. Гендерная дифференциация мобильности поддерживает ассоциацию женщин и феминности с домом и ограниченным

передвижением (рутинные, привычные взаимодействия), а мужчин и маскулинность – с не-домом, публичным пространством и расширенной моделью передвижений (вызовы, новый опыт, встречи с неизвестным). В среднем пространственный диапазон мобильности женщин меньше, чем мужчин. Женщины чаще предпочитают работать из дома, реже имеют мобильное рабочее место, как например, строители, реже работают по ночам и бывают вовлечены в длительное коммунитирование (90 мин. и более в одну сторону). В рамках гендерной географии также была переосмыслена временная география, основоположником которой является Т. Хёгерстранд [44].

В широком смысле понятие пространственной мобильности включает миграции. Гендерный анализ проводится по всем этапам миграционного процесса: предшествующая миграция (рассмотрение факторов, стимулирующих или препятствующих миграции людей с разным гендером); акт миграции (миграционная политика стран и институциональные механизмы); постмиграция (процессы расселения и инкорпорации) [30]. Брачные отношения и женщины как «переносчики» культуры, в частности, формируют и меняют идентичность и систему расселения мигрантов [45].

В процессе глобализации домашний труд и забота стали частью рынка труда, что привело к росту женской трудовой миграции [30] в Европу и Северную Америку из стран Юго-Восточной Азии и Латинской Америки. Возрастает роль женщин-мигрантов в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания – происходит феминизация международной миграции.

Сравнительные региональные исследования в гендерной географии. В основном исследования по гендерной географии осуществляются посредством качественных методов, которые являются основополагающими для географии человека и гендерных исследований. Такие исследования проводятся на ограниченном числе кейсов. Дж. Таунсенд в 1991 г. высказала опасение, что большой массив накопленных данных по гендерной географии не позволяет провести сравнительный анализ изученных пространств, мест и поведенческих паттернов, т.е. обнаруженные посредством качественных методов явления нельзя измерить и подвести под еди-

ную шкалу [46]. Она предложила внедрить в гендерную географию региональный подход и интегрировать экстенсивные (обширные, статистические) и интенсивные (качественные) исследования. Экстенсивные исследования являются источником данных об общих свойствах и закономерностях социума и создают контекст для интенсивных исследований, которые уточняют, какие именно процессы стоят за статистически выявленными различиями.

Дж. Таунсенд провела ревизию и разделила индикаторы и показатели, отражающие пространственные различия гендерных отношений, на несколько групп. Выяснилось, что доступные статистические данные могут охарактеризовать следующие сферы: разделение труда, сексуальный контракт (социальное производство индивидов как мужчин и женщин с определенным типом сексуальности [12]), потребление пространства, гендерное гражданство, благосостояние, воспроизводство населения, социальное воспроизводство, сопротивление гендерному порядку. Однако, территориальные различия в статистическом учёте создают трудности для проведения масштабных сравнений.

Выводы. Развитие гендерной географии с 1970-х гг. до настоящего времени следовало за развитием феминистской мысли. Сначала исследователи фокусировались на пространственных аспектах ущемление прав и интересов женщин, потом перешли к анализу неравенства мужчин и женщин и роли пространственных факторов в формировании этого неравенства, а дальше перестала ограничиваться только гендерным неравенством, стали рассматривать его в сочетании с другими видами неравенства по признаку расы, класса, сексуальной ориентации и т.д.

С одной стороны, методология гендерной географии всё усложнялась, появлялись новые направления и подходы, а с другой – развитие концепций деколониальности и «ситуационного знания» привели к критике гегемонии англо-американской школы в мировой феминистской и гендерной географии. Это означало признание гендерной географией различий не только среди объектов исследования, но и в эпистемологическом плане: любое научное знание о неравенстве стало признаваться ценным, и не важно, получено оно по стандартам англо-американской школы или нет.

Основной вывод исследований по гендерной географии состоит в том, что существует тесная связь пространства и гендерного неравенства. На разных масштабных уровнях пространства существуют различные механизмы конструирования гендерных различий, а границы между публичным и частным пространством и гендерная дифференциация мобильности играют важную роль в поддержании существующего гендерного порядка. Большая часть исследований по гендерной географии имеет качественные выводы, т.е. их результаты сложно сравнить между собой, поэтому в целях систематизации и объективизации знания стала подчёркиваться необходимость сочетания качественных и количественных методов и проведения сравнительных региональных исследований по гендерной географии.

Гендерная география занимает важное место в зарубежной социально-экономической географии, а гендерные процессы – в региональном развитии, что подчёркивает необходимость развития гендерной географии в России и целесообразность учёта гендерных различий российскими социальными географами в своих исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гредновская Е.В. Дискурс как телесная практика // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2008. № 6 (106). С. 117–121.
2. Войнов Д.А., Шувалов В.Е. Проблема структуризации современной социально-экономической географии // Региональные исследования. 2013. № 4. С. 4–11.
3. Зайончковская Ж.А. Новосёлы в городах (методы изучения приживаемости). М.: Статистика, 1972. 164 с.
4. Зверева М.Н., Рагулина М.В. Некоторые гендерно-географические аспекты рынка труда в Иркутской области // Моск. экон. журнал. 2019. № 9. С. 53–64. DOI: 10.24411/2413-046X-2019-19083
5. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России // Обществ. науки и современность. 1999. № 6. С. 177–185.
6. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // О муже (N) ственности. Сб. статей / Сост. С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 432–451.
7. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социальное конструирование гендера // Социологический журнал. 1998. № 3–4. С. 171–182.

8. *Зубаревич Н.В.* Развитие сельских территорий России, социальные и гендерные проблемы // *Международ. сельскохозяйственный журнал*. 2017. № 2. С. 12–14.
9. *Зубаревич Н.В.* Социальное неравенство в регионах России: гендерный анализ // *Гендерное неравенство в современной России сквозь призму статистики*. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 229–225.
10. *Лярская Е.В.* Женщины и тундра. Гендерный сдвиг на Ямале? // *Антропологический форум*. 2010. № 13-online. С. 3–38.
11. *Мальцева И.О., Роцин С.Ю.* Гендерная сегрегация и трудовая мобильность на российском рынке труда. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 295 с.
12. *Нартова Н.А.* Гендерный контракт современного российского общества и неконвенциональные гендерные идентичности // *Женщина в росс. обществе*. 2008. № 3. С. 56–64.
13. *Переведенцев В.И.* Методы изучения миграции населения. М.: Наука, 1975. 229 с.
14. *Покшишевский В.В.* География населения СССР. Экономико-географические очерки. М.: Просвещение, 1971. 176 с.
15. *Пьенкова А.В.* Понятие «габитус» в социологии Пьера Бурдьё // *Социальн. и гуманит. науки. Отеч. и заруб. литература. Сер. 11: Социология. Реферат. журнал*. 1996. № 4. С. 26–47.
16. *Родман Б.Б.* География, районирование, картоиды. Сб. трудов. Смоленск: Ойкумена, 2007. 368 с.
17. *Рыбаковский Л.Л.* Миграция населения. Три стадии миграционного процесса. (Очерки теории и методов исследования). М.: Наука, 2001. 114 с.
18. *Савоскул М.С.* Женщины сельской местности России: героини или заложницы (возможные направления исследований) // *Региональные исследования*. 2005. № 1 (5). С. 76–85.
19. *Савоскул М.С.* Женщины сельской местности России: пути адаптации к новым социально-экономическим условиям // *Региональные исследования*. 2006. № 4. С. 86–97.
20. *Савоскул М.С.* Сиделки из провинции в большом городе // *Мониторинг обществ. мнения: экон. и соц. перемены*. 2013. № 1 (113). С. 127–135.
21. *Темкина А.А.* Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России // *Социологические исследования*. 2002. № 11. С. 4–14.
22. *Blidon M., Zaragocin S.* Mapping gender and feminist geographies in the global context // *Gender Place and Culture: A Journal of Feminist Geography*. 2019. Vol. 26. No. 7–9. P. 915–925. DOI: 10.1080/0966369X.2019.1636000
23. *Bondi L., Rose D.* Constructing gender, constructing the urban: a review of Anglo-American feminist urban geography // *Gender Place and Culture: A Journal of Feminist Geography*. 2003. Vol. 10. No. 3. P. 229–245. DOI: 10.1080/0966369032000114000
24. *Bowlby S., Lewis J., McDowell L., Foord J.* The geography of gender // *New models in geography: the political-economy perspective* / R. Peet, N. Thrift (eds.). Vol. 2. London: Unwin Hyman Ltd, 1989. P. 157–176.
25. *Burnett P.* Social change, the status of women and models of city form and development // *Antipode*. 1973. Vol. 5. No. 3. P. 57–62. DOI: 10.1111/j.1467-8330.1973.tb00575.x
26. *Collinson D., Hearn J.* Naming men as men: Implications for work, organization and management // *Gender, Work & Organization*. 1994. Vol. 1, No. 1. P. 2–22. DOI: 10.1111/j.1468-0432.1994.tb00002.x
27. *Garcia Ramon M.D., Monk J.* Gender and geography: World views and practices // *Belgeo. Revue belge de géographie*. 2007. No. 3. P. 247–260. DOI: 10.4000/belgeo.11162
28. *Hanson S.* Gender and mobility: new approaches for informing sustainability // *Gender, Place & Culture*. 2010. Vol. 17. No. 1. P. 5–23. DOI: 10.1080/09663690903498225
29. *Hopkins P.* Social geography I: intersectionality // *Progress in Human Geography*. 2019. Vol. 43. No. 5. P. 937–947. DOI: 10.1177/0309132517743677
30. *Kofman E.* Gendered global migrations // *International Feminist Journal of Politics*. 2004. Vol. 1. No. 1. P. 643–665. DOI: 10.1080/1461674042000283408
31. *Massey D.* Space, place and gender. John Wiley & Sons, 2013. 280 p.
32. *McDowell L.* Gender, Identity and Place: Understanding Feminist Geographies. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999. 284 p.
33. *McDowell L., Sharp J.P.* (eds.). A feminist glossary of human geography. Routledge, 2014. 371 p.
34. *McDowell L.* Space, place and gender relations: Part II. Identity, difference, feminist geometries and geographies // *Progress in Human Geography*. 1993. Vol. 17. No. 3. P. 305–318. DOI: 10.1177/030913259301700301
35. *Mohammad R.* Feminist geography // *International Encyclopedia of Geography: People, the Earth, Environment and Technology*. 2016. P. 1–12. DOI: 10.1002/9781118786352.wbieg1041
36. *Monk J.* Place matters: comparative international perspectives on feminist geography // *The Professional Geographer*. 1994. Vol. 46. № 3. P. 277–288. DOI: 10.1111/j.0033-0124.1994.00277.x
37. *Moran D., Pallot J., Piacentini L.* Lipstick, lace, and longing: constructions of femininity inside a Russian prison // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2009. Vol. 27. No. 4. P. 700–720. DOI: 10.1068/d7808
38. *Nelson L., Seager J.* (eds.). A companion to feminist geography. John Wiley & Sons, 2008. 617 p.
39. *Pallot J., Piacentini L., Moran D.* Gender, Geography, and Punishment: The Experience of Women in Carceral Russia. Oxford University Press, 2012. 289 p.
40. *Pavlovskaya M.* Everyday life and social transition: Gender, class, and change in the city of Moscow (Russia). Ph. D. diss, Clark University, 1998. 356 p.
41. *Pavlovskaya M., Hanson S.* Privatization of the urban fabric: Gender and local geographies of transition in downtown Moscow // *Urban Geography*. 2001. Vol. 22. No. 1. P. 4–28. DOI: 10.2747/0272-3638.22.1.4
42. *Pilkington H. et al.* (eds.). Gender, generation and identity in contemporary Russia. Psychology Press, 1996. 320 p. DOI: 10.1177/13607804970020010

43. Rose G. *Feminism & Geography: The Limits of Geographical Knowledge*. Cambridge, UK: Polity Press, 1993. 216 p.
44. Scholten C., Friberg T., Sandén A. Re-reading time-geography from a gender perspective: Examples from gendered mobility // *Tijdschrift voor economische en sociale geografie*. 2012. Vol. 103. No. 5. P. 584–600. DOI: 10.1111/j.1467-9663.2012.00717.x
45. Silvey R. Geographies of gender and migration: Spatializing social difference // *International Migration Review*. 2006. Vol. 40. No. 1. P. 64–81. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2006.00003.x
46. Townsend J.G. Towards a regional geography of gender // *Geographical Journal*. 1991. Vol. 157. No. 1. P. 25–35. DOI: 10.2307/635141
47. Valentine G. Theorizing and researching intersectionality: A challenge for feminist geography // *The professional geographer*. 2007. Vol. 59. No. 1. P. 10–21. DOI: 10.1111/j.1467-9272.2007.00587.x
48. Wolff J. The invisible flâneuse. Women and the literature of modernity // *Theory, Culture & Society*. 1985. Vol. 2. No. 3. P. 37–46.
49. Zelinsky W. The Strange Case of the Missing Female Geographer // *The Professional Geographer*. 1973. Vol. 25. No. 2. P. 101–105. DOI: 10.1111/j.0033-0124.1973.00101.x
50. Зубаревич Н.В. Региональные аспекты гендерного равенства // *Гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин в России в контексте целей развития тысячелетия / Под ред. С.Ю. Рощина, Н.В. Зубаревич. ООН, 2005. С. 36–39. [Электр. ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0219/analit02.php> (дата обращения 24.03.2020).*
51. Словарь гендерных терминов / Под ред. А. Денисовой. М.: Информация XXI век. 2002. [Электр. ресурс]. URL: <http://www.owl.ru/gender/> (дата обращения 17.03.2019).
52. Fluri J. *Gender and Geography*. Oxford Bibliographies, 2015. [Электр. ресурс]. URL: <http://www.oxfordbibliographies.com> (дата обращения 09.03.2020).
53. *Gender, Place & Culture*. Volume 26. Issue 7–9. July–September 2019. [Электр. ресурс]. URL: <https://genderplaceandculture.wordpress.com/2019/08/26/gender-place-culture-volume-26-issue-7-9-july-september-2019-is-now-available-online/> (дата обращения 04.06.2020).

Статья поступила в редакцию 7 апреля 2020 г.

Статья принята к публикации 29 июня 2020 г.

Об авторе

Потураева Александра Вячеславовна – эксперт АНО «Институт регионального консалтинга»; аспирантка кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Москва.

Для цитирования:

Потураева А.В. История развития и теоретико-методические основы гендерной географии // *Региональные исследования*. 2020. № 2. С. 39–51.

DOI: 10.5922/1994-5280-2020-2-3

Gender geography: history of development and theory

A.V. Poturaeva^{1,2}

¹ANO “Institute of Regional Consulting”, Moscow, Russia

²Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Moscow, Russia

e-mail: av-poturaeva@yandex.ru

There are four periods in the development of gender geography since its inception in the 1970s in the Anglo-American school of human geography to nowadays. It's periods were changing with the development of the methodology of feminist and gender studies. Contemporary gender geography has moved beyond the Anglo-American school, because it has become an international subdiscipline, and beyond analyses of gender differences because in the direction of intersectionality it began to focus on intersection of gender with other differences (racial, ethnic, class, etc.). Russia has not yet formed its own school of gender geography, but this area is receiving increasing attention as well as by Russian geographers, as by anthropologists, sociologists and economists. Classical gender geography is based on gender and feminist theories and human geography. Gender, like place, is a social construction. At different scales of space, there are different mechanisms for constructing gender differences. The scales and objects of research in classical gender geography can be divided into traditional and specific (new) ones for Russian socio-economic geography. Traditional scales include local, regional, and national scales, while objects include mobility and migration. Specific (new) scales are the micro-levels of home, work, and public urban space, and the object is the human body. The article illustrates that gender geography occupies an important place in foreign socio-economic geography, and gender processes – in regional development, which, in turn, emphasizes the need to develop gender geography in Russia.

Key words: gender geography, feminist geography, human geography, methodology.

REFERENCES

1. Grednovskaya E.V. Discourse as a body practice. *Vestnik YUUrGU. Seriya: Social'no-gumanitarnye nauki*, 2008, no. 6 (106), pp. 117–121. (In Russ.).
2. Voynov D. A., Shuvalov V. E. The problem of structuring of modern socio-economic geography. *Regional'nye issledovaniya*, 2013, no. 4, pp. 4–11. (In Russ.).
3. Zajonchkovskaya Zh. A. *Novosyoly v gorodah (metody izucheniya prizrivaemosti)* [New settlers in cities (methods of studying habitability)]. Moscow: Statistika Publ., 1972. 164 p. (In Russ.).
4. Zvereva M. N., Ragulina M. V. Some gender-geographical aspects of the labor market in the Irkutsk region. *Moskovskij ekonomicheskij zhurnal*, 2019, no. 9, pp. 53–64. DOI: 10.24411/2413-046X-2019-19083 (In Russ.).
5. Zdravomyslova E.A., Tyomkina A.A. Women's and gender studies in the West and Russia. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 1999, no. 6, pp. 177–185. (In Russ.).
6. Zdravomyslova E.A., Tyomkina A.A. The crisis of masculinity in late Soviet discourse. In: *O muzhestvennosti* [About masculinity]. Ushakin S., eds. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2002, pp. 432–451. (In Russ.).
7. Zdravomyslova E.A., Tyomkina A.A. Social construction of gender. *Sociologicheskij zhurnal*, 1998, no. 3–4, pp. 171–182. (In Russ.).
8. Zubarevich N.V. Rural development in Russia, social and gender issues. *Mezhdunarodnyj sel'skohozyajstvennyj zhurnal*, 2017, no. 2, pp. 12–14. (In Russ.).
9. Zubarevich N.V. Social inequality in Russia's regions: gender analysis. In *Gendernoe neravenstvo v sovremennoj Rossii skvoz' prizmu statistiki* [Gender inequality in modern Russia through the prism of statistics]. Moscow: Editorial URSS Publ., 2004, pp. 229–225. (In Russ.).
10. Lyarskaya E.V. Women and the tundra. Is there gender shift in Yamal? *Antropologicheskij forum*, 2010, no. 13-online, pp. 3–38. (In Russ.).
11. Maltseva I.O., Roshchin S.Yu. *Gendernaya segregaciya i trudovaya mobil'nost' na rossijskom rynke truda* [Gender segregation and labor mobility in the Russian labor market]. Moscow: Izd. dom GU VSHE Publ., 2006. 295 p. (In Russ.).
12. Nartova N.A. Gender contract of modern Russian society and nonconventional gender identities. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*, 2008, no. 3, pp. 56–64. (In Russ.).
13. Perevedencev V.I. *Metody izucheniya migracii naseleniya* [Methods of studying population migration]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 229 p. (In Russ.).
14. Pokshishevskij V.V. *Geografiya naseleniya SSSR. Ekonomiko-geograficheskie ocherki* [Geography of the population of the USSR. Economic and geographical essays]. Moscow: Prosveshchenie Publ., 1971. 176 p. (In Russ.).
15. P'enkova A.V. The concept of "habitus" in the sociology of Pierre Bourdieu. *Social'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 11, Sociologiya: Referativnyj zhurnal*, 1996, no. 4, pp. 26–47. (In Russ.).
16. Rodoman B.B. *Geografiya, rajonirovanie, kartoidy. Sbornik trudov* [Geography, zoning, maps. Collection of works]. Smolensk: Ojkumena Publ., 2007. 368 p. (In Russ.).
17. Rybakovskij L.L. *Migraciya naseleniya. Tri stadii migracionnogo processa. (Ocherki teorii i metodov issledovaniya)* [Population migration. Three stages of the migration process. (Essays on the theory and methods of research)]. Moscow: Nauka Publ., 2001. 114 p. (In Russ.).
18. Savoskul M.S. Women of rural area in Russia: the heroine and the hostage (possible areas of research). *Regional'nye issledovaniya*, 2005, no. 1 (5), pp. 76–85. (In Russ.).
19. Savoskul M.S. Women of rural area in Russia: ways to adapt to new socio-economic conditions. *Regional'nye issledovaniya*, 2006, no. 4, pp. 86–97. (In Russ.).
20. Savoskul M.S. Nurses from the provinces in a big city. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, 2013, no. 1 (113), pp. 127–135. (In Russ.).
21. Tyomkina A.A. Soviet gender contracts and their transformation in modern Russia. *Sociologicheskie issledovaniya*, 2002, no. 11, pp. 4–14. (In Russ.).
22. Blidon M., Zaragocin S. Mapping gender and feminist geographies in the global context. *Gender Place and Culture: A Journal of Feminist Geography*, 2019, vol. 26, no. 7–9, pp. 915–925. DOI: 10.1080/0966369X.2019.1636000
23. Bondi L., Rose D. Constructing gender, constructing the urban: a review of Anglo-American feminist urban geography. *Gender, Place and Culture: A Journal of Feminist Geography*, 2003, vol. 10, no. 3, pp. 229–245. DOI: 10.1080/0966369032000114000
24. Bowlby S., Lewis J., McDowell L., Foord J. The geography of gender. In: *New models in geography: the political-economy perspective*. Vol.2. R. Peet, N. Thrift, eds. London: Unwin Hyman Ltd, 1989, pp. 157–176.
25. Burnett P. Social change, the status of women and models of city form and development. *Antipode*, 1973, vol. 5, no. 3, pp. 57–62. DOI: 10.1111/j.1467-8330.1973.tb00575.x
26. Collinson D., Hearn J. Naming men as men: Implications for work, organization and management. *Gender, Work & Organization*, 1994, vol. 1, no. 1, pp. 2–22. DOI: 10.1111/j.1468-0432.1994.tb00002.x
27. Garcia Ramon M. D., Monk J. Gender and geography: World views and practices. *Belgeo. Revue belge de géographie*, 2007, no. 3, pp. 247–260. DOI: 10.4000/belgeo.11162
28. Hanson S. Gender and mobility: new approaches for informing sustainability. *Gender, Place & Culture*, 2010, vol. 17, no. 1, pp. 5–23. DOI: 10.1080/09663690903498225
29. Hopkins P. Social geography I: intersectionality. *Progress in Human Geography*, 2019, vol. 43, no. 5, pp. 937–947. DOI: 10.1177/0309132517743677
30. Kofman E. Gendered global migrations. *International Feminist Journal of Politics*, 2004, vol. 1, issue 1, pp. 643–665. DOI: 10.1080/1461674042000283408

31. Massey D. *Space, place and gender*. John Wiley & Sons, 2013. 280 p.
32. McDowell L. *Gender, Identity and Place: Understanding Feminist Geographies*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999. 284 p.
33. McDowell L., Sharp J. P. (eds.). *A feminist glossary of human geography*. Routledge, 2014. 371 p.
34. McDowell L. Space, place and gender relations: Part II. Identity, difference, feminist geometries and geographies. *Progress in Human Geography*. 1993, vol. 17, no. 3, pp. 305–318. DOI: 10.1177/030913259301700301
35. Mohammad R. Feminist geography. In: *International Encyclopedia of Geography: People, the Earth, Environment and Technology*, 2016, pp. 1–12. DOI: 10.1002/9781118786352.wbieg1041
36. Monk J. Place matters: comparative international perspectives on feminist geography. *The Professional Geographer*, 1994, vol. 46, no. 3, pp. 277–288. DOI: 10.1111/j.0033-0124.1994.00277.x
37. Moran D., Pallot J., Piacentini L. Lipstick, lace, and longing: constructions of femininity inside a Russian prison. *Environment and Planning D: Society and Space*, 2009, vol. 27, no. 4, pp. 700–720. DOI: 10.1068/d7808
38. Nelson L., Seager J. (eds.). *A companion to feminist geography*. John Wiley & Sons, 2008. 617 p.
39. Pallot J., Piacentini L., Moran D. *Gender, Geography, and Punishment: The Experience of Women in Carceral Russia*. Oxford University Press, 2012. 289 p.
40. Pavlovskaya M. *Everyday life and social transition: Gender, class, and change in the city of Moscow (Russia)*. PhD thesis, Clark University, 1998. 356 p.
41. Pavlovskaya M., Hanson S. Privatization of the urban fabric: Gender and local geographies of transition in downtown Moscow. *Urban Geography*, 2001, vol. 22, no. 1, pp. 4–28. DOI: 10.2747/0272-3638.22.1.4
42. Pilkington H. et al. (eds.). *Gender, generation and identity in contemporary Russia*. Psychology Press, 1996. 320 p.
43. Rose G. *Feminism & Geography: The Limits of Geographical Knowledge*. Cambridge: Polity Press, 1993. 216 p.
44. Scholten C., Friberg T., Sandén A. Reading time geography from a gender perspective: Examples from gendered mobility. *Tijdschrift voor economische en sociale geografie*, 2012, vol. 103, no. 5, pp. 584–600. DOI: 10.1111/j.1467-9663.2012.00717.x
45. Silvey R. Geographies of gender and migration: Spatializing social difference. *International Migration Review*, 2006, vol. 40, no. 1, pp. 64–81. DOI: 10.1111/j.1747-7379.2006.00003.x
46. Townsend J.G. Towards a regional geography of gender. *Geographical Journal*, 1991, vol. 157, no. 1, pp. 25–35. DOI: 10.2307/635141
47. Valentine G. Theorizing and researching intersectionality: A challenge for feminist geography. *The professional geographer*, 2007, vol. 59, no. 1, pp. 10–21. DOI: 10.1111/j.1467-9272.2007.00587.x
48. Wolff J. The invisible flâneuse. Women and the literature of modernity. *Theory, Culture & Society*, 1985, vol. 2, no. 3, pp. 37–46.
49. Zelinsky W. The Strange Case of the Missing Female Geographer. *The Professional Geographer*, 1973, vol. 25, no. 2, pp. 101–105. DOI: 10.1111/j.0033-0124.1973.00101.x
50. Zubarevich N.V. Regional aspects of gender equality. In: *Gendernoe ravenstvo i rasshirenie prav i vozmozhnostej zhenshchin v Rossii v kontekste celej razvitiya tysyacheletiya* [Gender equality and women's empowerment in Russia in the context of the Millennium development goals]. Roshchina S.Yu., Zubarevich N.V., eds. OON Publ., 2005, pp. 36–39., URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0219/analit02.php> [Accessed 24.03.2020].
51. *Slovar' gendernyh terminov* [Dictionary of gender terms] Denisova A., eds. Moscow: Informaciya XXI vek Publ., 2002. URL: <http://www.owl.ru/gender/> [Accessed 17.03.2019].
52. Fluri J. *Gender and Geography*. Oxford Bibliographies, 2015. URL: <http://www.oxfordbibliographies.com> [Accessed 09.03.2020].
53. Gender, Place & Culture, vol. 26, no. 7–9, July–September 2019, URL: <https://genderplaceandculture.wordpress.com/2019/08/26/gender-place-culture-volume-26-issue-7-9-july-september-2019-is-now-available-online/> [Accessed 04.06.2020].

Received 07.04.2020

Accepted 29.06.2020